

Н.А. Машкин

Принципат Августа
Происхождение и социальная сущность

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Машкин**
Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность / Н.А. Машкин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 718 с.

ISBN 978-5-458-36244-3

Классический труд известного историка Николая Александровича Машкина посвящен исследованию проблем принципата как политической формы и его идеологии, генезиса принципата и его социальной сущности. После вводной главы, касающейся возникновения римского цезаризма, автор дает систематическое изложение истории гражданских войн, начавшихся вслед за смертью Цезаря, уделяя главное внимание тем социальным отношениям, которые не были достаточно освещены в научной литературе.

ISBN 978-5-458-36244-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

к ней примыкает и проблема идеологии принципата. Понять проблему генезиса принципата можно, лишь изучив тот кризис, какой переживала Римская республика в середине I в. до н. э. Ему предшествовали завоевания, превратившие Рим в мировую державу, непомерный рост рабовладения, образование крупных земельных владений, связанное с разорением мелких сельских хозяев и превращением их в городских бездомных люмпен-пролетариев. Кризис выражался в революционном движении рабов, достигшем своего апогея в восстании Спартака, в массовых выступлениях городской и сельской бедноты, в том сопротивлении, какое оказывалось римлянам в различных провинциях, в борьбе между различными группировками римского рабовладельческого общества. Сопротивление эксплуатируемых вызывало реакцию со стороны эксплуататоров, рабовладельцев, искавших путей в установлении открытой военной диктатуры для сохранения своего господства.

В результате многолетних войн Рим превратился в мировую державу в античном понимании этого слова, но в нем продолжали еще существовать политические порядки города-государства. Развитие так называемых экстраординарных магистратур было своеобразным выражением политического кризиса, который привел в конечном итоге к гражданским войнам и установлению монархии.

Таким образом, предпосылки принципата следует искать в социальной истории II и I вв. до н. э. Но видеть во всей многообразной истории этого времени лишь преддверье к принципату было бы неверно. Не забудем, что именно это время — время расцвета демократического движения и наивысшего обострения политической борьбы в Риме. То было время, когда жили лучшие ораторы, поднявшие на небывалую высоту римское политическое красноречие; это была эпоха расцвета преторского эдикта, когда были определены основы римского права, которые были развиты и систематизированы юристами императорского времени. Нет поэтому никаких оснований видеть в истории II и I вв. лишь подготовку римской монархии. Таким образом, не упрощая задачи, исследователь должен показать противоречия эпохи, которые привели к гражданским войнам. Особый интерес представляют для историка гражданские войны после смерти Цезаря; только изучив их, можно понять те изменения, какие произошли в Риме в последнее тридцатилетие I в. до н. э. и в первое десятилетие I в. н. э.

Этим и определяется композиция нашей работы. После вводной главы, касающейся возникновения римского цезаризма, мы даем систематическое изложение истории гражданских войн, начавшихся вслед за смертью Цезаря, уделяя главное внимание тем социальным отношениям, которые не были до

настоящего времени освещены. Историю Рима после 30 г. до н. э. принято излагать или систематически, по проблемам (политические отношения, внешняя политика и т. д.), или в хронологическом порядке. Несмотря на известные преимущества второго принципа изложения, мы все же решили принять первый. Это обусловлено отчасти характером наших источников, отчасти же тем, что систематическое изложение позволяет нам дать более отчетливую характеристику основных явлений римской социальной и политической жизни и показать принципиальный характер изменений, которые произошли в связи с установлением монархии.

В специальной работе по принципату нельзя не касаться состояния историографии, но приводить и обстоятельно разбирать теории принципата значило бы писать особое исследование. Поэтому мы указываем различные мнения только по тем вопросам, какие кажутся нам основными, а из многочисленных теорий берем только те, которые вносили нечто новое и влияли, таким образом, на разработку истории принципата.

Рассчитывая, что читателями работы будут не только специалисты по истории древнего Рима, но и все те, кто интересуется вопросами всеобщей истории, мы не ограничиваемся лишь сообщением результатов наших исследований, но даем систематическое изложение, опираясь на источники и выводы предшественников.

В марксистской исторической литературе нет ни одного труда, посвященного истории принципата. В русской литературе по принципату Августа не было специальных работ после статей Герье, напечатанных в 1878 г. Между тем история времен Цезаря и Августа имеет не только историографическую, но, как указывалось выше, и политическую актуальность. Предлагаемое нами исследование ставит своей задачей ввести читателя в круг вопросов, связанных с историей принципата, и наметить пути марксистского разрешения некоторых проблем, связанных с историей падения республики и начала Римской империи.

В ходе изложения автор неоднократно обращается к нумизматическому материалу. В целях наглядности он счел необходимым приложить к тексту снимки монет, преимущественно тех, какие хранятся в Государственном историческом музее и Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. При отборе монет и изготовлении снимков большую помощь оказали автору Ю. С. Крушкoл, Л. П. Харко, Н. П. Розанова и А. Н. Луппол. Снимки с памятников, хранящихся в Государственном Эрмитаже, сделаны при содействии проф. М. И. Максимовой. В подборе других иллюстраций автору помогала Т. М. Шепунова. Всем этим лицам автор приносит свою искреннюю благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМСКОГО ЦЕЗАРИЗМА

РИМСКИЕ ПАРТИИ И СИСТЕМА ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ МАГИСТРАТУР

Система экстраординарных магистратур, которая развилась в Риме в I в. до н. э., свидетельствовала о кризисе республиканского политического строя. Кризис этот был подготовлен самым ходом римской истории. Римский политический строй сложился в те времена, когда Рим был небольшим городом Лация и находился в почти непрерывных войнах со своими соседями, а его население было занято борьбой между родовой патрицианской знатью, отстаивавшей свои права на управление государством, и свободным крестьянством (плебеями), которое добивалось увеличения земельных наделов и политических прав. К началу III в. до н. э. было увеличено число магистратур, к занятию их допущены были плебеи, были расширены права плебейских комиций, но основы римской конституции оставались неизменными. Не было внесено существенных изменений и во II—I вв. до н. э., когда Рим из города-государства превратился в мировую державу (в античном значении этого понятия) и во внутренней жизни его произошли значительные сдвиги. В этот период непрерывно увеличивались земельные владения senatorской знати и появилась влиятельная денежная аристократия (всадники). Наряду с этим ухудшилось положение свободного крестьянства, за счет которого возросло число безземельных городских жителей, а увеличившееся непомерно число рабов создавало для рабовладельцев угрозу рабских восстаний.

В последние десятилетия II в. после длительного господства senatorской знати, лишь изредка нарушаемого пассивными протестами комиций, в Риме нарастает демократическое движение, главной целью которого было проведение аграрных законов и ослабление влияния senatorской знати. Политическая жизнь в Риме стала значительно сложнее, появились различные политические группировки, наметились определенные методы и приемы политической борьбы.

Историография второй половины XIX в. не видела коренного различия между политической борьбой в Риме II—I вв. и явлениями европейской жизни XIX в. У Моммзена, например, очень часто можно встретить суждения, подобные следующему: «Революция, задуманная вождями демократии, должна была начаться свержением существующего правительства в результате восстания, которое вызовут, прежде всего в Риме, демократические заговорщики».¹ Моммзен и современное ему поколение либеральных буржуазных историков основную задачу социальной истории сводили к тому, чтобы уподобить явления далекого прошлого современным им событиям, рассказать о них привычным для европейского политика языком, подыскать современные политические термины, соответствующие тем или иным античным понятиям. Подобный прием интерпретации исторических событий в какой-то мере способствовал, несомненно, развитию социальной истории, но он мешал установлению ее специфических черт: античное прошлое наделялось несвойственными ему чертами.

Некоторые особенности римской социально-политической жизни позднереспубликанского периода отмечены были Фюстель де Куланжем. Он обратил внимание на политическую и социальную роль патроната во II и I вв., напоминавшего в известных отношениях феодальную зависимость. Выводы Фюстель де Куланжа оставались в течение долгого времени незамеченными; на них обращено было внимание в частных исследованиях последних десятилетий; изучение просопографии (сведений, касающихся жизни и деятельности отдельных лиц) позволило конкретизировать суждения о характере политических и социальных отношений в конце республики.² Уточнены были такие понятия, как «nobilitas» («знать»), «principes ciuitatis» («принцепсы государства»), «homines noui» («новые люди») и т. п., обращено было внимание на состав римской аристократии, на политическую роль отдельных аристократических родов, на прочные связи между фамилиями, принадлежавшими к одним и тем же родам, на взаимоотношения между аристократическими семьями, на роль клиентских связей и на другие условия, укреплявшие влияние римской аристократии. Эти исследования пролили свет на некоторые особенности политической жизни республиканского Рима, но они оставляли без внимания рабовладельческий характер римского общества,

¹ Т. М о м м з е н, История Рима, русск. перев., т. III, 1941, стр. 141.

² Особенное значение имеют книги: M. G e l z e r, Die Nobilität der römischen Republik, Berlin 1912; F. M ü n z e r, Römische Adelsparteien und Adelsfamilien, Stutt. 1920; R. S y m e, Roman Revolution, Oxf. 1939; P a u l y - W i s s o w a — K r o l l, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.

оставляли в тени особенности классовой борьбы в различные периоды Римской республики. Коалиции аристократических семей, борьба между отдельными фамилиями, переходившая из поколения в поколение, — все это было признано за существенное и основное в римской политической жизни, в то время как эти явления нужно рассматривать как производные и несущественные.

Буржуазные историки конца XIX и начала XX в. не видели существенной разницы между оптиматами и европейскими аристократическими партиями, между популярами и новейшими радикалами и даже социалистами. В противоположность такому модернизаторскому толкованию некоторые из современных исследователей считают незаконным противопоставление оптиматов и популяров. «Не было партии популяров, — утверждает вслед за М. Гельцером Р. Сайм, — термин «popularis» относился к отдельным лицам и отдельным мероприятиям».³ По мнению Сайма, правящая олигархия, определенная аристократическая котерия (*factio optimatum*), вызывала иногда оппозицию других аристократических фамилий, представители которых назывались популярами. В подтверждение этого положения приводится утверждение Цицерона в последней речи его против Катилины, где говорится о том, что Цезарь является истинным популяром, и где он противопоставляется популярам показным.⁴

Строго говоря, слова «optimates» и «populares» не употребляются Цицероном со словом «pars», откуда произошел и наш термин «партия». Термин «pars» берется со словами, образованными от личных имен: «pars Pompeiana», «pars Clodiana» и т. д., но вместе с тем Цицерону известна противоположность оптиматов и популяров как двух политических «родов», т. е. группировок, или направлений: «Всегда, — говорит он, — в этом государстве существовало два рода людей (*duo genera*), которые занимались политикой и старались действовать с наибольшим успехом. Одни из них хотели и называться и быть популярами, другие — оптиматами. Те, кто говорил и действовал, желая быть приятным большинству, были популяры, те же, которые действовали таким образом, чтобы своими намерениями оказаться наилучшими (*optimo*), были оптиматами». А в трактате «De re publica» Цицерон употреблял «partes» в значении политических партий, и хотя слова «optimates» и «populares» и не приводятся, но зато они, несомненно, подразумеваются. Цицерон говорил, что трибунат, а затем смерть

³ R. Syme, рецензия на книгу M. Gelzer, «Caesar, als Politiker und Staatsmann», 1941, «Journal of Roman Studies», XXIV, 1944, p. 93.

⁴ Cic., In Cat., IV, 5, 9.

Тиберия Гракха разделили народ на две партии: *diuisit populus unum in duas partes*.⁵

Это положение Цицерона дает основание для определения двух основных течений в римской политической жизни: демократического, стремившегося расширить власть народа и признававшего суверенитет его высшей инстанцией в государстве, и консервативного, ограждавшего авторитет сената. Носителями первого были популяры, носителями второго — оптиматы. И те и другие имели свои традиции и определенные методы политической борьбы. Демократическая традиция нашла отражение в римской историографии; некоторые анналисты II и I вв., как можно судить об этом на основании Тита Ливия, излагали раннюю римскую историю с точки зрения популяров. Они рассказывали о насилии патрициев на заре римской республики; они вкладывали в уста бесстрашных народных трибунов длинные речи, оправдывавшие требования плебеев; демократические предания высоко ставили Гракхов, и, несмотря на противоположную оценку их деятельности оптиматами, большинство дошедших до нас источников дает положительный их образ. Из числа младших анналистов, писавших в духе популяров, нам известен Лициний Макр, народный трибун 73 г. до н. э. В дошедших до нас произведениях Саллюстия отражена та отрицательная оценка римской аристократии, какая давалась популярами. С политическими идеями оптиматов знакомят нас речи и трактаты Цицерона, относящиеся ко второму периоду его деятельности (после 64 г.).

Хотя и оптиматы и популяры одинаково выражали интересы правящего класса рабовладельцев, они все же отличались друг от друга. Эти политические группировки были устойчивыми политическими течениями римского рабовладельческого общества, имевшими определенную социальную базу. Мы можем называть их основными политическими партиями,⁶ но, чтобы избежать модернизаторского толкования политической жизни позднереспубликанского Рима, характерного, например, для историков школы Моммзена, мы должны вскрыть характерные особенности римских политических партий.

Популяры и оптиматы не были организованными политическими партиями, имевшими постоянных членов и нечто напоминавшее центральный аппарат. Опорой оптиматов был сенат; популяры, как правило, опирались на трибутные комиции,

⁵ *Cicero*, *Pro Sestio*, 45, 96; *De re publ.*, I, 19, 31.

⁶ Н. А. М а ш к и н, Римские политические партии в конце II и начале I века до нашей эры, «Вестник древней истории», 1947. № 3, стр. 126 сл.; там же разбор литературы. См. С. Л. У т ч е н к о, «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики», диссертация, рукопись; автореферат в «Изв. АН СССР», серия истор. и филос., 1949, № 2, стр. 181 сл.

но настроение последних менялось в зависимости от различных обстоятельств. Даже в периоды своего подъема римское демократическое движение никогда не достигало того уровня, на котором оно находилось в некоторых греческих городах в период их расцвета. Так, например, не было случаев, чтобы народ (плебс) сам выдвигал из своей среды политических деятелей, которые последовательно защищали бы его интересы. Руководители партии популяров принадлежали, как правило, к сенаторской знати. Из *homines novi*, проводивших (далеко, впрочем, не последовательно) программу популяров, известен только Марий, но и он счел нужным путем брака сблизиться с патрицианским родом Юлиев.

Патронат и клиентела были одними из тех организационных принципов, на которых основывались римские политические партии. Патронат возник еще в период разложения первобытно-общинного строя. В разные эпохи римской истории он играл различную роль. В эпоху поздней республики он связывал тех или иных деятелей с массой населения. *Fides* — верность (личная) считалась обязательной и для патрона и для клиента. Нарушение ее рассматривалось почти как религиозное преступление. Клиентские связи, переходившие по наследству от отцов к детям, среди оптиматов были несравненно шире, чем у популяров; этим объясняется то обстоятельство, что в народных собраниях проходили предложения, идущие явно вразрез с интересами плебса.

Большую роль в политической жизни играли друзья (*amicī*) политических деятелей. С друзьями римский политический деятель советовался по различным вопросам. В сопровождении друзей он появлялся на улице и в общественных местах. Друзья были в его свите, когда он отправлялся в поход или в провинцию. Гай Гракх, по словам Сенеки, а впоследствии Ливий Друз были первыми, кто разделил друзей на три разряда: одни принимались отдельно, другие вместе со многими, т. е. группами, третьи — со всеми.⁷ Указание Сенеки позволяет нам заключить, что «институт друзей» приобрел большую роль в деятельности популяров. *Amicī* — это наиболее активная часть граждан, сочувствующих программе данного политического деятеля. Это — его доверенные и агитаторы.

«Институт друзей» развился по аналогии с патронатом и клиентелой. Но клиентела или была наследственной, или устанавливалась на основании особого *ius applicationis*, по которому клиент как бы усыновлялся, или же была результатом освобождения на волю раба и влекла за собой определенные юридические последствия, *amicitia* же была связью неформаль-

⁷ Sen., De benef., VI, 34, 1.

ной, хотя право считалось с друзьями как с институтом, и одним из способов освобождения рабов была *manumissio inter amicos*.

Однако принцип патроната и клиентелы, на котором основана была и *amicitia*, был в существе своем недемократичен, и если вожди популяров и имели лично преданных им друзей и клиентов, то все же последние не считались равноправными с ними. Видный деятель, объявлявший себя сторонником демократических принципов, называвший по именам встречавшихся с ним людей, обходивший избирателей с просьбой голосовать за него на выборах, был все же далек от народа. В результате личный момент играл большую роль.

Периоды подъема демократического движения связаны с деятельностью тех или иных лиц (Гракхов, Сатурнина, Друза и пр.). Гибель вождя обуславливала полный упадок движения. Случаи ренегатства были далеко не редки. Переходом в лагерь оптиматов завершили свою карьеру такие крупные деятели, как Гай Папирий Карбон, народный трибун 131 г., человек, близкий Гракху, Гай Меммий, трибун 111 г., вызывавший в Рим Масиниссу.

Классический период борьбы популяров и оптиматов продолжался недолго: он начался со времени выступления Тиберия Гракха и кончился подавлением движения Сатурнина. Характерной чертой этого времени является принципиальность борьбы, широкая программа мероприятий, предлагаемых популярами. У Гракхов на первом месте стояли народ и государство; моменты личные, семейные если и имели место, то играли второстепенную роль. Положение меняется уже в конце II в.: в практику политической борьбы входят такие приемы, как политические убийства, подкупы, организация особых дружин. Нельзя видеть в этом какую-то моральную деградацию римского общества; объяснение следует искать в обострении классовой борьбы. В дни Гракхов решающее значение имело в народных собраниях крестьянство, но некоторые успехи аграрного законодательства не спасли его от обнищания, вместе с которым падал его удельный вес в политической жизни государства. В качестве непосредственных производителей все большее и большее значение приобретали рабы, а в политической жизни возросла роль городских плебеев, число которых увеличилось и за счет разорившихся крестьян и за счет отпущенных на волю рабов. Основную массу городского плебса составлял пролетариат, не имевший постоянных средств существования, отвыкший от производительного труда, превращавшийся в паразитический класс римского общества.

Маркс приводит слова Сисмонди, который утверждал, что «римский пролетариат жил почти всецело на счет общества»,